

Андрей Ратиборо

**«Когда
тишина
становится
голосом:
сборник**

18+

Андрей Ратиборо

**«Когда тишина становится
голосом: сборник рассказов»**

«Автор»

2026

Ратиборо А.

«Когда тишина становится голосом: сборник рассказов» /
А. Ратиборо — «Автор», 2026

Тринадцать историй — тринадцать границ, которые человек пересекает, не замечая. В них ужас прячется в обыденном: в остывшем чае, в шёпоте воды, в гуле пустой трассы, в тени, что чуть плотнее остальных. Герои снова и снова обманывают себя, веря, что время бесконечно: кто-то откладывает важный разговор, кто-то пытается победить свой древний страх одним решительным шагом, кто-то мчится вперёд, будто скорость способна обогнать судьбу. Но границы не прощают невнимательности — и на каждой из них ждёт свой свидетель: молчаливые тени, лицо под мутной водой, мальчик в куртке цвета хаки, знающий цену каждому мгновению. Это не просто хоррор: это зеркало, в котором отражается наша привычка прятаться от правды за рутиной и обещаниями «позже». Книга безжалостно напоминает: самое страшное — не чудовища из темноты, а тихое исчезновение себя в суете. Она не утешает, но даёт шанс услышать собственный голос — пока он ещё звучит. Для тех, кто готов взглянуть на свою жизнь без иллюзий и успеть сказать важное.

© Ратиборо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Хребет Зубов	9
1. Исчезновение	10
2. Звук в ветвях	11
3. Алтарь из костей	12
4. Последняя жертва	13
5. Тишина, которая помнит	14
Эпилог	15
Тихая усадьба	18
Свадьба с приданым	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Ратиборо

«Когда тишина становится голосом: сборник рассказов»

Новогодний праздник

Пахло жареным луком, жиром и чем-то сладковатым — от этого запаха у Глеба начинало свербить под рёбрами, будто кто-то водил по коже тупой иглой. В детстве этот аромат означал безопасность: тёплый плед на диване, приглушённый свет, маму, которая напевала что-то под нос, пока мыла посуду. Здесь, в «Питерском доме престарелых», тот же запах звучал как насмешка. Он стал густым, вязким, почти осязаемым — словно вата, которую вкладывают в уши, чтобы не слышать, как стучит сердце. И всё же от него нельзя было спрятаться. Он проникал глубже, чем воздух, пробирался под кожу, оседал в горле, заставляя сглатывать снова и снова, будто пытаясь избавиться от чего-то липкого, живого.

Кухня гудела. Три повара в белых халатах, давно утративших свою белизну, сновали между плит, как муравьи в муравейнике, где уже завелась чужая воля. На длинном стальном столе выстроился арсенал мясных деликатесов, словно приготовленный к какой-то странной, никому не объявленной битве. Металл тихо стонал от тяжести блюд, будто сам сопротивлялся тому, что на нём лежало.

— Ещё час, — пробормотал старший повар, Иван Петрович, протирая лоб грязной тряпкой. Его глаза были красными, будто он долго смотрел в бездну и она наконец посмотрела в ответ. — Ещё час, и они будут есть.

Глеб стоял у окна, глядя на серое, лишённое жизни небо Петербурга. Снег падал не пушистыми хлопьями, а мелкой, колючей крошкой, будто кто-то сверху сыпал пепел. Город казался вымершим, и даже этот дом, полный людей, выглядел островком, который вот-вот затянет тиной. А за окнами, в темноте, что-то шевелилось — не ветер, не метель, а будто сама ночь подбиралась ближе, принималась, пробовала воздух на вкус.

Вчера в доме было сто человек. Сто живых душ, сто пар глаз, сто историй, каждая из которых могла бы стать книгой, если бы кто-то захотел их записать. Сегодня их осталось девятьно восемь.

Два.

Это число крутилось в голове Глеба, как заевшая пластинка: два. Не три, не пять. Два. Оно звучало слишком точно, слишком нарочно, будто кто-то специально выбрал именно эту цифру, чтобы она врезалась в сознание, как остриё ножа.

Он вспомнил, как утром медсестра Оля, с её бесконечно доброй, но пустой улыбкой, сказала: «Глеб, сегодня будет немного тихо в палате № 4. У нас были... уходы». Она никогда не говорила «смерть». Вместо этого у неё были слова-обманки: «уходы», «переезды», «отъезды» — маленькие пилули, призванные смягчить горькую правду. Но правда всё равно просачивалась сквозь них, как вода сквозь треснувшее стекло, холодная и неизбежная.

— Глеб? — голос Ивана Петровича вырвал его из воспоминаний.

— Да?

— Ты слышал, что говорят?

Глеб повернулся. Повар указал подбородком на двери кухни, за которыми начиналась праздничная зала.

— Говорят, что мясо... не то.

— Какое мясо? — Глеб почувствовал, как по спине пробежал холодок, несмотря на жару от плит. Этот холод не был обычным — он шёл не снаружи, а изнутри, будто кровь вдруг стала ледяной.

— Плов. И жаркое. И шашлык. И тушёные рёбра. Всё. Говорят, что пахнет не как обычно. Пахнет землёй. И чем-то ещё. Чем-то, чего не должно быть в еде.

Глеб посмотрел на стол. Плов выглядел аппетитно: золотистый, с крупными кусками мяса, которые сочно поблёскивали. Рёбра были покрыты густым тёмным соусом, напоминавшим кровь, если смотреть на него под определённым углом. Шашлык лежал на деревянных подносах, дымился, источая аромат дыма и специй. Но если присмотреться, мясо казалось чуть слишком гладким, неестественно ровным, будто его вылепили, а не вырезали из туши.

— Люди пьют, — сказал Иван Петрович. — Пьют и забывают. Но не все.

Глеб подошёл к столу. Он взял кусок шашлыка. Мясо было мягким, почти нежным, будто слишком охотно сдавалось под пальцами. Он понюхал его. Пахло дымом, паприкой, луком. И да... там была ещё одна нота — тонкая, едва уловимая. Пахнуло старой, влажной землёй. Пахнуло кладбищем. Пахнуло чем-то, что не должно было быть в праздничной еде. Пахнуло тем, что приходит ночью, когда никто не видит.

— Кто ушёл? — спросил Глеб тихо.

Иван Петрович посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх — или на признание, что он уже слишком глубоко втянут во всё это.

— Соседка из палаты № 4, Мария Ивановна, и её муж, Николай Петрович. Они были вместе. Всегда вместе. Говорили, что не расстанутся даже после смерти.

— И?

— И их тела... — Иван Петрович замолчал, глотнул слюну, будто пытался смыть этот вкус со своего языка. — Их тела не нашли.

Глеб замер.

— Что значит «не нашли»?

— Мы нашли только пустые кровати. Пледы смяты, как будто они только что встали. Но самих людей... нет. Ни следов. Ни крови. Ничего. Только запах.

— Какой запах?

— Запах этого мяса.

Глеб смотрел на шашлык в своей руке. Его пальцы начали дрожать. Он понял, что это не просто совпадение. Не просто слухи, которые ходят по коридорам дома, когда старики сидят в креслах-каталках и смотрят в одну точку, будто пытаются разглядеть что-то за пределами этого мира. Это был ритуал. И он был старше, чем этот дом. Старше, чем эти люди. Он был древним, как сама ночь, и ждал своего часа.

Вечер настал. Зал был украшен гирляндами, которые мигали неровно, как больные сердца. Столы накрыли белыми скатертями, и эта белизна казалась теперь не праздничной, а стерильной — как в морге перед выставлением тел. Девяносто восемь человек сидели за столами. Они пили шампанское, смеялись, обменивались подарками. Но Глеб видел то, чего не видели другие. Он видел, как некоторые из них ели мясо, и их лица менялись: глаза становились пустыми, а улыбки — слишком широкими, слишком белыми, будто нарисованными на масках, которые вот-вот треснут. Он видел, как под кожей у них что-то шевелится, будто под плотью пряталось нечто иное, готовое вырваться наружу.

И ещё он видел Марию Ивановну, которая, как он знал, умерла или исчезла. Она сидела в углу зала, в своём обычном сером платье с цветами. Она ела плов, и её щёки двигались, но она не глотала. Мясо просто исчезало в её рту, как будто его там и не было. Как будто оно становилось частью чего-то большего. А когда она подняла глаза на Глеба, в них не было ничего человеческого — только тьма, густая и глубокая, как колодец без дна.

Глеб встал из-за стола. Он чувствовал, как ноги не слушаются его, будто налились свинцом. Он пошёл к выходу, но в дверях его остановила Оля.

— Глеб, ты куда?

— Домой, — соврал он.

— Не сегодня, Глеб. Сегодня мы все вместе.

Она улыбнулась. И в этой улыбке Глеб увидел что-то, от чего у него перехватило дыхание. В её глазах не было ни добра, ни пустоты. Там было голодание — такое, которое не насыщается. Оно ждало, оно росло, оно хотело поглотить всё.

— Мы готовили для вас, Глеб, — сказала она шёпотом. — Для всех вас. Чтобы вы остались. Чтобы вы были сыты. Чтобы вы были с нами. Навсегда.

Глеб посмотрел на зал. Девяносто восемь человек ели. Девяносто восемь человек пили. И он вдруг понял, что уже не может отделить себя от них. Он был частью этого. Частью этого ужаса, который пах жареным луком и старой землёй, частью этой странной, бесконечной трапезы, где никто не спрашивал, хочешь ли ты быть здесь.

За окнами темнота стала плотнее. Она не просто окружала дом — она вползала внутрь сквозь щели, просачивалась сквозь стены, оседала в углах, собираясь в чёрные сгустки, похожие на тени, которые жили своей жизнью. Ночь больше не была просто отсутствием света. Она была существом, терпеливым и голодным, и сейчас она наблюдала.

Он сел обратно за стол.

— Спасибо, — сказал он.

И начал есть.

А за спиной, в полумраке коридора, кто-то тихо, едва слышно, рассмеялся. Звук был таким тонким и холодным, что походил на треск льда. И Глеб понял: ночь только начиналась.

Эпилог. Ночь

Глеб не помнил, сколько кусков съел. Он помнил только, как нож скользил по мясу, как вилка поднималась к лицу, как челюсти смыкались, будто не по его воле. А потом зал начал расплываться, будто его заливали тёмной водой.

Когда он очнулся, праздник уже закончился. Гирлянды больше не мигали — они тихо потрескивали, словно шептали что-то на незнакомом языке, и от этого шёпота по позвоночнику бежала ледяная дрожь. Столы стояли пустые, но скатерти были в пятнах, похожих на засохшую кровь или на что-то куда более древнее. Стулья стояли неровно, будто люди вскакивали с мест и убегали, а потом... возвращались.

В зале никого не было. Но Глеб знал: они не ушли. Они просто стали тише.

Он поднялся, и пол под ногами отозвался глухим, тягучим звуком — будто не дерево, а что-то живое, уставшее, но не готовое отпустить. В коридоре пахло не жареным луком и не специями. Пахло сырой землёй, мокрым камнем и чем-то, что бывает в местах, где давно не ступала нога человека.

Где-то далеко, в глубине дома, тихо звякнула посуда. Потом ещё раз. И ещё. Будто кто-то проверял, на месте ли ложки. Будто готовился к следующему приёму пищи.

Глеб сделал шаг к выходу, но дверь исчезла. На её месте была стена — старая, шершавая, с трещинами, в которых шевелилась темнота. Не тень. Не игра света. А именно шевеление: тонкие нити мрака тянулись друг к другу, сплетались, пульсировали.

И тогда он услышал это.

Сначала — тихо, почти неслышно. Потом громче. Это был не смех и не плач. Это был звук, который рождается там, где кончается человеческая речь. Звук, похожий на то, как раскрывается что-то огромное и голодное.

Ночь вошла в дом не через окна и не через двери. Она просочилась сквозь стены, сквозь пол, сквозь кости. Она легла на плечи Глеба тяжёлым, влажным плащом и прошептала ему

прямо в ухо: «Ты думал, это конец ужина? Нет. Это только начало. Мы будем есть долго. Очень долго».

Глеб хотел закричать. Но его рот наполнился вкусом мяса — того самого, сладковато-землистого, от которого под рёбрами свербило и хотелось одновременно плакать и жевать ещё.

А потом он понял одну вещь, от которой кровь в жилах превратилась в осколки льда: он больше не чувствовал страха.

Потому что страх был для живых.

А он уже был частью трапезы.

Хребет Зубов

Горы не любят, чтобы их трогали. Они стоят там, в вечном, ледяном молчании, как призраки древних богов, которые слишком долго смотрели на пустоту. А люди... Люди всегда считают, что знают, что делают. Они привязывают себя к скалам, дышат разреженным воздухом и думают, что их смелость делает их неуязвимыми. Но горы замечают каждое движение. Они запоминают каждый вдох, каждый шаг, каждый испуганный взгляд. И они умеют ждать.

Это была экспедиция. Тринадцать человек. Бюджет скромный, амбиции — нет. Официальная цель звучала так: «Мониторинг миграционных путей бурундуков-мультиспотов в высокогорье». Звучало солидно, научно, безобидно. В заявке на грант это работало. В реальности же это была просто удобная вывеска, за которой пряталась настоящая цель: пройти по Хребту Зубов и доказать, что человек может покорить даже то, что не хочет быть покорённым. Неофициальная цель была проста: выжить, не сойти с ума и получить подписи в журнале. И, возможно, прославиться.

Ночевка была холодной. Палатки трещали от ветра, который выл где-то между скал, похожий на голос, застрявший в горле. Ветер не просто дул — он скребся, царапался, пытался проникнуть внутрь, узнать, кто там прячется. Казалось, он шептал чьи-то имена, но разобрать их было невозможно: слова рассыпались на отдельные звуки, как кости, которые катятся по камням.

Утром их осталось двенадцать.

1. Исчезновение

Никто не помнил, как это произошло. Ночь была такой же, как и все предыдущие: холодной, тёмной, наполненной звуками, которые не хотелось слышать. Но утро оказалось другим. Оно было неправильным.

Виктор, их геодезист, проснулся первым. Он сел в спальнике, потирая глаза, и посмотрел на пустое место рядом с собой. Там, где должен был лежать Дима. Спальник был аккуратно сложен, будто Дима встал, прибрался и ушёл — как будто это был обычный день, а не ночь на Хребте Зубов.

— Дим? — голос Виктора дрогнул, но он быстро взял себя руки. — Дим, вставай, кофе стынет.

Тишина.

Они проверили периметр. Никого. Ни следов борьбы, ни разорванных вещей, ни крови. Только следы, ведущие в темноту леса, которые оборвались у обрыва. Как будто кто-то просто шагнул в пустоту и исчез. Или его утянуло.

Странно, подумал Виктор. Очень странно. Но горы требуют движения. Они не ждут, пока вы решите, что делать. Они просто стоят, наблюдая, как вы ошибаетесь.

Остальные делали вид, что всё в порядке. Кто-то пытался шутить, кто-то слишком громко говорил, чтобы заглушить тишину, которая теперь казалась слишком внимательной. Но в глазах у всех было одно и то же: страх, который ещё не успел оформиться в слова.

Артур, старший научный сотрудник, собрал всех на короткий брифинг. Его голос звучал уверенно, но Виктор заметил, как дрожат его пальцы, когда он достаёт карту.

— Скорее всего, Дима свернул в ущелье, — сказал Артур. — Возможно, сломал ногу, ушёл искать помощь. Мы должны двигаться дальше. Если мы задержимся, погода может ухудшиться, и тогда мы рискуем потерять не одного, а всех.

Это была ложь, и каждый знал это. В горах ложь чувствуется кожей. Она пахнет иначе, звучит иначе. Она оставляет на языке горький привкус, который не смывается даже кипятком.

Но они пошли дальше. Потому что остановиться означало признать, что здесь происходит что-то, чего они не понимают. А этого никто не хотел.

Тропа вилась между скал, узкая и коварная. Камни были острыми, будто специально заточенными, чтобы резать подошвы и нервы. Воздух становился тоньше, и с каждым вдохом казалось, что ты глотаешь не кислород, а осколки льда.

К полудню они остановились на короткий привал. Лена, биолог, молча смотрела на свои ботинки, будто пыталась найти в них ответы. Её пальцы нервно теребили шнурки.

— Ты в порядке? — тихо спросил Виктор.

Лена подняла глаза. В них было что-то такое, от чего у Виктора похолодело внутри.

— Я слышала ночью шаги, — прошептала она. — Рядом с палаткой. Кто-то ходил. Я выглянула, но никого не увидела. Только тень. Она была слишком длинной для человека.

Виктор хотел сказать, что это ветер, что это игра света, что ей показалось. Но слова застряли в горле. Потому что он тоже что-то слышал. Что-то, что не было похоже на ветер.

2. Звук в ветвях

К вечеру их стало одиннадцать.

Они решили не поднимать панику. «Свернул в ущелье», — повторяли они, как заклинание. «Сломал ногу, ушёл искать помощь». Это было ложью, и каждый знал это. Но ложь помогала им двигаться. Она была как костыль: ненадёжный, кривой, но лучше, чем ничего.

В тот вечер они слышали шуршание.

Сначала это было тихо. Как будто кто-то аккуратно проделывал пальцами листья. Потом стало громче. Щелканье. Ритмичное, механическое щелканье.

Тук. Тук. Тук.

Звук шёл отовсюду и ниоткуда. Он проникал под кожу, оседал в костях, заставлял зубы сжиматься сами собой.

— Это ветер, — сказал Артур, пытаясь звучать уверенно. Его руки тряслись, когда он разжигал костёр. Пламя вспыхивало и тут же гасло, будто его кто-то задувал.

— Ветер не щёлкает, — прошептала Лена. Она сидела ближе к огню, вцепившись в свой рюкзак, как в спасательный круг. — Ветер воет. Это щёлкает.

Они посмотрели в темноту. В свете костра, на фоне чёрных силуэтов деревьев, что-то мелькнуло. Маленькое, рыжее, с блестящими глазами.

Бурундук.

Но он не был просто бурундуком.

Он стоял на задних лапах. Его глаза не отражали свет — они поглощали его. И во рту у него не было зубов. Там была пустота, чёрная, как дыра в космосе.

— Бежим, — сказал Виктор.

Но было поздно.

Из темноты выскользнули ещё фигуры. Маленькие, юркие, но в их движениях не было ничего звериного. Они двигались так, будто знали, куда ступить, чтобы не хрустнуть веткой, чтобы не выдать себя. Но они хотели, чтобы их заметили. Они хотели, чтобы страх стал осязаемым.

Костёр вдруг погас. Не от ветра. Не от сырости. Он просто исчез, как будто его никогда не было. Тьма накрыла лагерь мгновенно, плотно, будто её кто-то натянул сверху, как чёрное одеяло.

Кто-то закричал. Звук оборвался на полуслове, как будто рот закрыли ладонью.

А потом снова раздался этот звук:

Тук. Тук. Тук.

И на этот раз он был совсем близко.

3. Алтарь из костей

Они бежали. Или пытались.

Горы изменились. Тропа, по которой они шли три дня, исчезла. Вместо неё были только камни и туман. Туман был не обычным — он был плотным, маслянистым, он цеплялся за одежду, за волосы, за дыхание. Он пах сыростью, плесенью и чем-то ещё, что Виктор не мог определить. Чем-то, от чего хотелось вывернуть карманы и вытряхнуть из себя этот запах.

Они брели кругами. Каждый час казался вечностью. Каждый шаг — борьбой с гравитацией, которая стала злее. Камни под ногами шевелились, будто живые. Иногда казалось, что они специально сдвигаются, чтобы заставить человека оступиться.

К утру их осталось девять.

Они остановились. Не потому, что устали, а потому, что больше не могли идти. Ноги отказывались слушаться. Голова кружилась. В ушах звенело так громко, что собственный голос казался чужим.

— Посмотрите, — сказал Артур. Его голос был пустым, как у марионетки, чьи нити оборвались.

Перед ними, на вершине холма, стоял алтарь.

Он был сложен из костей.

Человеческих костей.

Череп, рёбра, бедренные кости. Они были аккуратно уложены, как кирпичи, но в этой аккуратности было что-то противоестественное. Будто кто-то очень тщательно пытался имитировать человеческую работу, но не до конца понимал, как она выглядит.

На вершине алтаря сидело существо. Оно было огромным, если судить по пропорциям, но маленьким, если судить по масштабу. Бурундук. Но его тело было покрыто шрамами, а глаза светились зелёным, болезненным светом.

— Это... это невозможно, — прошептала Лена. Её голос дрожал, как пламя на ветру.

Существо повернуло голову. Оно посмотрело на них. И улыбнулось.

У него не было рта. Но они слышали его голос. Он звучал в их головах, как шёпот, который ты слышишь перед смертью.

«Вы были шумными. Вы были грязными. Вы искали, чего не существовало. Но теперь вы нашли меня. И я нашёл вас. Теперь вы мои. Вечные. Чистые. Тихие.»

Слова проникали внутрь, как холод, который добирается до костей и остаётся там навсегда. Они не могли пошевелиться. Не могли закричать. Не могли даже закрыть глаза.

А существо продолжало говорить. Его голос был везде: в ветре, в камнях, в их собственных мыслях.

«Вы пришли сюда, думая, что это просто горы. Но горы — это не камни и не снег. Горы — это память. Память о тех, кто не ушёл. Память о тех, кто остался. И теперь вы тоже останетесь. Вы станете частью этой памяти. Вы станете тишиной.»

4. Последняя жертва

Они не помнили, как прошли к алтарю.

Они не помнили, как сели.

Они не помнили, как существо подошло к ним, одно за другим, и коснулось их лба.

Это было не больно. Это было... правильно. Как будто что-то, что давно болело, наконец, зажило. Как будто все страхи, все сомнения, все ночные кошмары вдруг нашли своё место и перестали мучить.

Виктор был последним.

Он сидел на камне, глядя на своих товарищей. Они были неподвижны. Их глаза были закрыты. Их лица были спокойными. Слишком спокойными. В этом спокойствии не было покоя — в нём была окончательность.

Зачем? — подумал он. Зачем мы здесь?

Существо стояло перед ним. Оно было близко. Так близко, что Виктор мог видеть каждую деталь его шерсти, каждый шрам, каждую неровность, которая не должна была существовать на теле бурундука.

«Не бойся, Виктор», — прозвучал голос в его голове. «Боль пройдёт. Страх пройдёт. Останется только тишина. И я. Навсегда.»

Виктор закрыл глаза.

Он почувствовал, как его тело становится легче. Как будто из него выкачивают воздух. Как будто он становится пустым, как высохшая оболочка, из которой вытащили всё живое.

А потом он открыл глаза.

И увидел, что он сидит на алтаре.

Вокруг него были другие. Его товарищи. Их кости были сложены в форме круга. А в центре круга, на самом верху, лежал череп.

Это был его череп.

Он посмотрел на свои руки.

Они были костяными.

Он не чувствовал боли. Он не чувствовал страха. Он вообще ничего не чувствовал. Только лёгкое удивление, будто он забыл что-то важное, но не мог вспомнить, что именно.

Где-то далеко, за пределами его нового существования, ветер продолжал выть. И слышалось это проклятое шелканье:

Тук. Тук. Тук.

5. Тишина, которая помнит

Время здесь не имело значения. Оно текло иначе, чем внизу, среди людей. Оно было густым, тягучим, как смола, которая застывает, но никогда не становится твёрдой до конца.

Виктор — или то, что от него осталось — сидел на алтаре и смотрел на горы. Они больше не казались ему величественными. Они казались живыми. И очень старыми.

Иногда к алтарю приходили другие. Не люди — существа, похожие на бурундуков, но больше, умнее, злее. Они приносили кости. Старые, свежие, сломанные, целые. Они складывали их, перекладывали, меняли местами, будто пытались собрать из них какой-то узор, который никто не мог увидеть.

Однажды одно из существ остановилось рядом с Виктором. Его глаза светились тем же зелёным светом, который теперь казался Виктору родным.

«Ты помнишь?» — спросил голос в голове.

Виктор не знал, что ответить. Он не помнил ничего, кроме этого места. Но где-то глубоко внутри, под слоями тишины, шевелилось что-то похожее на воспоминание.

«Помнишь, как ты боялся?» — голос звучал почти ласково. «Как ты хотел уйти? Как ты думал, что сможешь убежать?»

Виктор молчал. Он не мог ответить. Его рот был сделан из костей, и он не умел говорить.

«Это хорошо, — сказала существо. — Страх — это шум. А мы любим тишину.»

Оно коснулось его костяного плеча, и Виктор почувствовал, как тишина становится глубже.

Эпилог

Горы молчали.

Тропа была чиста. Ни следов, ни вещей, ни тел. Только ветер, который выл в скалах, и шелканье.

Тук. Тук. Тук.

Если бы вы прошли там, вы бы не заметили ничего особенного. Кроме, может быть, странного запаха. Запаха старой кости и свежей крови. И если бы вы прислушались, вы бы слышали шёпот.

«Добро пожаловать. Оставайтесь. Вы больше не одни.»

Но вы бы ушли.

Потому что горы не любят, чтобы их трогали.

А люди... Люди всегда считают, что знают, что делают.

Только горы знают правду.

И они будут ждать.

Всегда.

Старый паровоз

Паровоз стоял на ветке, словно ржавый скелет забытого гиганта — будто кто-то когда-то воздвиг его как памятник эпохе, а потом стёр из памяти. Локомотив серии Э, некогда гордый и чёрный, теперь был покрыт охрой времени и сажей, въевшейся в металл намертво, будто сама тьма решила оставить на нём свою подпись. Он находился в Ленинградской области, в месте, где леса смыкались, образуя глухие стены, а небо казалось низким и серым, как мокрый картон, пропитанный чужой тоской. Здесь время текло иначе: оно не бежало вперёд, а оседало на вещах тяжёлой, липкой пылью.

За многие годы этот механизм изжил себя. В мире, где скорость измерялась уже не километрами в час, а пинтами виски и количеством уведомлений на экране, он был анахронизмом. Но здесь, в этой глуши, он жил. Он ездил в Карелию. Не ради туристов, не ради водопадов и не ради леса. Он ездил, чтобы сжигать.

— Это бизнес, — сказал Иван. Или, может, его звали Иваном Петровичем. В этом месте имена не имели значения, как и лица: они стирались, становились взаимозаменяемыми, словно бирки на ящиках. — И ничего личного.

Иван стоял на платформе, сжимая в руке кружку с остывшим чаем. Пар поднимался из топки — густой, белый, непроглядный, будто занавес, за которым пряталась какая-то иная реальность. Он скрывал то, что происходило внутри. А внутри не было угля. Уголь стоил денег, его нужно было покупать, везти, хранить, считать. Здесь, в мире, где общество забыло о людях, как о ненужном грузе, нашлось другое топливо — бесплатное, легкодоступное, такое, о котором никто не станет плакать. Топливо, которое даже не жалели.

Те, кто давно выпал из ритма города. Кто не мог наскрести мелочи на буханку хлеба, у кого в почтовом ящике годами копились конверты с печатями управляющих компаний, а в холодильнике неделями не появлялось ничего, кроме пустого холода. Те, чьи вечера сводились к одинокому дыму на обшарпанном балконе — словно последняя слабая попытка заявить о своём существовании. Их приводили на станцию, как скот. Их не спрашивали, хотят ли они ехать в Карелию, нужна ли им вообще эта поездка. Их просто сажали в кабину, а когда поезд трогался, их тела бросали в топку — одно за другим, без суеты, почти буднично.

Пламя было ярким, жадным, нетерпеливым. Оно поглощало плоть, превращая её в пепел и дым. Дым поднимался в небо, смешивался с облаками, растворялся в серой хмари. Возможно, где-то далеко, в Петербурге или Москве, кто-то чихнул, почувствовав странный, слад-

коватый запах, похожий на запах горелого сахара. Но никто не подумал об этом дважды. В мире, где всё было расписано и оплачено, в мире, где люди были ресурсами, такой запах был просто фоном, незаметной деталью в общей картине.

Иван смотрел, как поезд удаляется, растворяясь в тумане, будто его и не было вовсе. Он чувствовал удовлетворение — холодное, привычное, похожее на тупую усталость после тяжёлой работы. Это было чисто. Это было эффективно. Это был бизнес.

— Следующая партия через неделю, — бросил он, обращаясь то ли к воздуху, то ли к самому паровозу, который, казалось, тяжело вздохнул, выпуская клубы пара.

Паровоз не ответил. Он просто ждал. Он всегда ждал. Он знал своё дело. Он знал, что такое тепло и что такое холод. Он знал, что такое жизнь и что такое смерть. И он знал, что между ними нет ничего, кроме огня.

И пока Иван не думал о том, что будет, когда закончатся люди, он продолжал ждать. Потому что, в конце концов, всё, что горит, когда-нибудь гаснет. Но пока... пока он горел.

Туман, который обычно стелился по земле, словно послушная собака, вдруг поднялся выше, обвил рельсы, вполз на платформу, добрался до ботинок Ивана и замер, будто прислушиваясь. И в этой тишине, когда даже ветер перестал шептать, Иван услышал звук, от которого внутри всё сжалось в ледяной комок.

Это был не скрежет металла, не шипение пара. Это был звук, похожий на тяжёлый, медленный вдох. Будто паровоз... дышал.

Он не должен был дышать. Паровозы не дышат. Они выпускают пар, грохочут, сжигают — но не вдыхают воздух, как живое существо, пробуждающееся после долгого сна.

Иван сделал шаг назад. Кружка выпала из его рук и покатила по доскам платформы, звякнув так громко, что этот звук показался ему выстрелом. Чай растёкся тёмной лужицей, похожей на кровь, и впитался в дерево.

А паровоз снова вздохнул.

Теперь Иван увидел это. Между заклёпками, в стыках проржавевшего металла, проступали тонкие, едва заметные линии. Они пульсировали, как вены. Ржавчина не была просто ржавчиной — она двигалась, перетекала, собиралась в узоры, похожие на шрамы, которые заживают прямо на глазах.

Из-под днища локомотива что-то выползало. Не дым, не пар. Что-то густое, маслянистое, тёмное, как застывшая ночь. Оно стекало по колёсам, собиралось в лужицы и снова втягивалось обратно, будто паровоз пил собственную тьму.

На мгновение Иван подумал, что сходит с ума. Что это усталость, стресс, плохой чай, плохая ночь. Но потом он заметил другое.

В кабине машиниста, за мутным стеклом, что-то шевелилось.

Там не должно было быть никого. Поезд уже ушёл. Кабина должна была быть пустой. Но внутри было движение. Тень скользила от рычага к рычагу, касалась приборов, будто проверяла, всё ли на месте. И тень эта была слишком большой для человека. Слишком неправильной.

Иван попятился. Его ботинки цеплялись за доски, он споткнулся, упал на колено, но тут же вскочил, не чувствуя боли. Страх гнал его вперёд, заставлял бежать, хотя бежать было некуда. Лес стоял стеной, плотной, непроницаемой, будто специально вырос здесь, чтобы никто не смог уйти.

Он обернулся.

Паровоз смотрел на него.

Не фигурально. Не метафорически. Он смотрел. Из-под козырька кабины, из темноты, где должны были быть только механизмы, на Ивана уставились глаза. Не человеческие. Не звериные. Они были похожи на раскалённые угли, которые не горят, но светятся изнутри, источая не тепло, а холод — холод, от которого кровь в жилах становилась тяжёлой, как свинец.

«Ты думал, это ты управляешь мной?» — голос прозвучал не снаружи. Он возник внутри головы Ивана, как эхо, которое не может закончиться. — «Ты думал, это твой бизнес? Ты думал, что ты решаешь, кого сжигать? Нет. Я решаю. Я всегда решал. Ты был просто руками. Временными. Удобными. Как топливо».

Иван закричал. Но звук не успел вырваться наружу. Его горло сжалось, будто кто-то невидимый обхватил его пальцами и медленно, с наслаждением, сжимал.

А потом паровоз двинулся.

Он не должен был двигаться. Он стоял на тупиковой ветке. Рельсы впереди обрывались. Но он двинулся. Медленно, тяжело, с таким звуком, будто ломались кости земли. Колёса поворачивались, и каждый оборот отдавался в груди Ивана, как удар сердца, которое бьётся не в такт.

Платформа дрогнула. Доски треснули. Что-то под ними шевелилось, скреблось, пыталось выбраться наружу.

Иван хотел бежать, но ноги не слушались. Они налились тяжестью, будто в ботинки налили расплавленный металл. Он мог только стоять и смотреть, как паровоз приближается, как его топка раскрывается шире, чем должна, как внутри разгорается пламя, которое не похоже на обычный огонь. Оно было чёрным по краям, фиолетовым в центре, и оно пульсировало в ритме, который совпадал с биением сердца Ивана — а потом начал его обгонять.

Когда паровоз остановился прямо перед ним, Иван почувствовал жар. Но это был не жар огня. Это был жар чего-то древнего, чего-то, что помнит времена, когда люди были маленькими и боялись теней.

Тень из кабины вышла наружу.

Она не имела формы. Она была похожа на дым, который принял очертания человека, но с длинными, изогнутыми конечностями, с пальцами, заканчивающимися не ногтями, а тонкими, острыми крючьями. Она не шла — она скользила, касаясь земли лишь на мгновение, будто не хотела оставлять следов.

— Ты следующий, — прошептала тень голосом, в котором слышался скрежет шестерёнок и шёпот тысяч голосов, потерянных в огне. — Ты всегда был следующим.

Тихая усадьба

Переезд из Санкт-Петербурга в глухую деревню обычно объясняют либо экзистенциальным кризисом, либо внезапной тягой к лопате и грядкам. В случае с семьёй Олеговых мотивы были сложнее и, в конечном счёте, гораздо более банальны: деньги. Не абстрактное «хочется жить на природе», а вполне осязаемая нехватка средств, которая подталкивала к отчаянным решениям.

Деревня эта была не просто точкой на карте. Это было место, куда стеклись все, кто искал «подлинную русскую душу», но боялся, что она окажется слишком пахучей, слишком грубой, слишком настоящей. Туристическая Мекка, где «аутентичность» упаковывали в красивые сторис, а «деревенский шарм» продавали по цене хорошего ужина в центре Петербурга. Репосты в соцсетях с хештегами #Спокойствие, #ДеревенскийЧарм, #КухняПрямоСГрядки мелькали в ленте, обещая покой, которого в городе уже не найти.

Олег и Ольга открыли постоялый двор. Дом был старый, но основательный, с потемневшим от времени деревом, которое казалось не просто материалом, а чем-то вроде молчаливого свидетеля. Харчевня, названная «У Дуба», стала их визитной карточкой. Интерьер был выдержан в стиле «дорого-богато-примитивно»: вязанные кружева, иконы в киотах, самовары, которые никто не использовал, но все фотографировали, словно эти предметы сами по себе гарантировали подлинность.

Еда была великолепна. Это было главное. И, возможно, единственное, что имело значение.

— Вы должны попробовать борщ, — говорил Олег, улыбаясь своей фирменной, чуть снисходительной улыбкой человека, который знает, что он прав. — Бабушкин рецепт. Без компромиссов.

Ольга стояла за стойкой — высокая, спокойная, с лицом, которое будто застыло в одном и том же выражении: лёгкой, почти незаметной полуулыбке. Она двигалась бесшумно, как тень, и всегда оказывалась именно там, где была нужна: подносила тарелки, тихо спрашивала, не нужно ли ещё чего, и смотрела на гостей так, словно видела не их самих, а что-то внутри них — то, что можно было забрать, если подождать.

Туристы приходили за атмосферой, но оставались ради еды. Русская кухня сочеталась здесь с кавказской в гармоничном, почти мистическом сплаве. Шашлык, запечённый на углях из дуба, и пироги с капустой, которые таяли во рту. Кровяная колбаса и хачапури. Всё это подавалось на тяжёлых деревянных тарелках, которые звенели, когда их ставили на стол, — звук, который поначалу казался уютным, а позже начинал напоминать глухой удар колокола.

— Я не хочу уезжать, — сказала однажды одна из туристок, молодая девушка с палкой, которую она использовала скорее как аксессуар, чем для ходьбы. — Здесь время течёт иначе.

Олег кивнул.

— Время здесь стоит, — сказал он. — Оно ждёт.

Первые несколько месяцев всё шло гладко. Загрузка была стопроцентной. Отзывы на сайтах бронирования пестрели восторгами: «Атмосфера нереальная», «Еда — космос», «Чувствуешь связь с предками». Казалось, что проект наконец-то выстрелил, что все бессонные ночи и кредиты были не зря.

Но потом начали появляться странные вещи.

Не сразу. Сначала это были мелкие детали, на которые можно было закрыть глаза, если очень хотелось верить, что всё в порядке. Турист, который задержался на два дня дольше, чем планировал, а потом не мог объяснить, почему не позвонил жене. Другой, который не смог найти свой автомобиль на парковке, хотя клялся, что припарковал его там. Потом выяснилось,

что машина была там всё это время, просто он не мог её вспомнить — будто кто-то аккуратно стёр этот фрагмент из его памяти, оставив только смутное ощущение, что «что-то не так».

Потом начали исчезать люди.

Не все. Не сразу. Но каждый третий, каждый пятый гость просто... не возвращался. Они не умирали. Не было трупов. Не было криков. Не было следов борьбы. Они просто переставали отвечать на звонки. Их телефоны отключались. Их социальные сети замолкали. Будто кто-то нажал кнопку «выключить» на целой жизни.

Полиция приходила. Спрашивала. Олег отвечал спокойно, с той же снисходительной улыбкой.

— Люди устали от города, — говорил он. — Они находят себя здесь. Иногда это значит, что они остаются.

— Остаются, — поправлял его следователь. — Они не на связи. Мы не можем их найти.

— А мы можем, — сказал Олег. — Они здесь. Счастливы.

Ольга в этот момент стояла у двери в кухню, слегка наклонив голову, будто прислушивалась к чему-то, чего не слышали остальные. Её пальцы медленно поглаживали край полотенца, и в этом движении было что-то гипнотическое — такое, что заставляло взгляд задерживаться, а мысли путаться.

Харчевня продолжала работать. Еда становилась ещё вкуснее. Или, возможно, просто привычка к ней становилась сильнее, проникая глубже, чем хотелось бы. Туристы, которые оставались дольше, начинали меняться. Их лица становились более спокойными, но в глазах появлялся какой-то странный блеск — не радость, не умиротворение, а что-то похожее на покорность. Они перестали говорить о работе, о семьях, о городах. Они говорили только о еде. О запахах. О вкусах.

— Вы когда-нибудь пробовали наш новый суп? — спрашивала Ольга, подавая тарелку так плавно, будто сама еда была чем-то священным. — Он из местных трав. Очень питательный.

Туристы кивали. Они всегда кивали.

Однажды ночью, когда дождь барабанил по крыше, словно пытался достучаться до кого-то внутри, я сидел в харчевне, дожидаясь своего заказа. Воздух был густым, насыщенным ароматами специй и чего-то ещё — чего-то, что было трудно определить. Может быть, это был запах земли. Или гнили. Или чего-то сладкого и тягучего, как остывший сироп. Этот запах оседал в горле, заставлял сглатывать, будто пытаясь избавиться от чего-то липкого, живого.

Я прислушивался к тишине. Она здесь была не пустой, а наполненной. В ней слышался тихий, едва уловимый шёпот, будто стены сами по себе что-то шептали, пересказывая старые истории тем, кто готов был их услышать.

Олег подошёл к моему столу.

— Вы не спите, — сказал он. — Я слышал, как вы ходили по коридору.

Я посмотрел на него.

— Я не могу спать, — сказал я. — Здесь слишком тихо.

Олег сел напротив. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них не было ни усталости, ни напряжения — только спокойная уверенность человека, который давно знает ответы на все вопросы.

— Тихо, — повторил он. — Да. Тихо. Но в этом есть своё очарование.

— Куда они делись? — спросил я, не глядя на него. — Туристы.

Олег улыбнулся.

— Они не делись, — сказал он. — Они остались.

— Но как?

— Они съели, — сказал он. — Они съели достаточно.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок, а затем медленно пополз вниз, к ногам, заставляя их слегка дрожать.

— Что вы имеете в виду?

— То, что еда здесь особенная, — сказал Олег. — Она не просто насыщает. Она связывает. Привязывает. Делает своим.

Я посмотрел на свои руки. Они были спокойны. Слишком спокойны. Как будто принадлежали кому-то другому. Я вспомнил, как ел сегодня обед. Борщ. Он был вкусен. Очень вкусен. Но почему-то я не помнил, когда закончил. Почему-то я не помнил, как вышел из харчевни и вернулся в свою комнату. В памяти зияла дыра, аккуратная и ровная, как будто кто-то специально вырезал этот кусок времени.

В этот момент из кухни вышла Ольга. Она несла десерт — глубокую керамическую миску, накрытую крышкой. От неё шёл густой, пряный аромат, который мгновенно заполнил пространство между нами, вытесняя все остальные запахи.

— Вы должны попробовать наш новый десерт, — сказала она, и её голос звучал не как предложение, а как нечто неизбежное. — Из местных ягод. Очень питательный.

Она поставила миску передо мной, и я вдруг понял, что не помню, просил ли я его. Не помню, соглашался ли. Но рука сама потянулась к крышке.

Олег смотрел на меня с тем же спокойным удовлетворением, с каким смотрят на хорошо выполненную работу.

— Да, — сказал я, хотя никто не спрашивал. — Конечно.

И в тот момент я понял, что не замечаю, как закрываю книгу, которую держал в руках. Не замечаю, как перестаю думать о том, как мне выбраться отсюда. Мои мысли плавно перетекали к еде, к вкусу, к тому, как она тает во рту, оставляя после себя не просто сытость, а странное чувство принадлежности.

Внезапно я понял, что не хочу уезжать.

Здесь было так хорошо. Так вкусно.

И так тихо.

Тишина теперь казалась не просто отсутствием звуков, а чем-то живым, плотным, почти осязаемым. Она обволакивала, как тёплый плед, который одновременно согревает и не даёт пошевелиться.

А потом я услышал это.

Тихий, ритмичный звук, доносившийся из глубины дома. Не скрип половиц, не шум дождя. Что-то другое. Будто где-то в подвале кто-то медленно, размеренно постукивал ложкой по краю большой кастрюли. Тук. Тук. Тук.

Звук был настолько обыденным, что от этого становился ещё страшнее.

Ольга замерла на мгновение, будто тоже его услышала, но тут же продолжила двигаться, как ни в чём не бывало. Её улыбка стала чуть шире, но в ней не было радости — только терпеливое ожидание.

Олег, казалось, не замечал этого звука. Или делал вид, что не замечает. Он продолжал улыбаться, и эта улыбка теперь напоминала маску, за которой пряталось что-то гораздо более древнее и холодное.

— Вам понравится десерт, — повторил он, и его голос прозвучал не как предложение, а как обещание, от которого невозможно отказаться.

Я кивнул. И в этот момент понял, что уже не помню, зачем приехал сюда. Не помню своего города, своей работы, своих планов. В голове остался только один вопрос: когда принесут еду.

Дождь всё барабанил по крыше. А тишина становилась всё плотнее, всё тяжелее, словно оседала на плечах, пригибая к земле.

Где-то в глубине дома снова раздался тихий стук:

Тук. Тук. Тук.

Свадьба с приданым

Дождь в том городе пах не водой, а ржавчиной. Старым, проржавевшим железом, которое лежало на дне колодца, забытого Богом и людьми. Этот запах въедался в одежду, в волосы, в самую суть, словно хотел стереть из памяти всё, что было до этого места. Я вдыхал его и чувствовал, как внутри что-то сжимается, будто само тело знало: здесь нельзя дышать.

Мне было двадцать два. Двадцать два года — возраст, когда мир кажется одновременно огромным и маленьким, как ладонь. Ты веришь, что любовь можно найти в пикселях экрана, в строчках текста, которые появляются с задержкой в несколько секунд. Мы с ней — звали её Агата, хотя на сайте было написано «Вечность» — общались три месяца. Три месяца виртуального неба, где не было туч. Три месяца, когда её голос в телефоне звучал как шелест листьев, а фотографии — как обещание райского сада.

Я мчался. Машина ревела, как зверь, которого загнали в угол. Тридевять земель. Так говорят в сказках. И, пожалуй, сказки ближе к правде, чем мы хотим признать. Я узнал точный адрес за час до отъезда. «Приезжай, любимый. Я жду. У меня уже накрыт стол», — написала она.

Когда я выехал за последние холмы, дорога стала не асфальтом, а чем-то тускло-серым, напоминающим пепел. Мотор начал глохнуть. Не по механической причине — нет, просто воздух стал густым, вязким, как сироп. Он обволакивал, мешал двигаться, заставлял сердце биться чаще, будто оно пыталось пробиться сквозь эту плотную, неестественно тяжёлую атмосферу. Я заглушил двигатель. Тишина была такой плотной, что в ушах звенело. Это была не обычная тишина, а отсутствие всего — звуков, движения, жизни. В ней слышался какой-то едва уловимый гул, будто земля сама по себе издавала низкий, угрожающий стон.

Село. Или то, что от него осталось. Дома стояли, как сломанные зубы в десне из земли. Окна были чёрными провалами, из которых смотрело ничего. Я вышел из машины. Вокруг не было ни души. Ни собак, ни птиц, ни даже ветра. Только запах. Тот самый запах ржавчины и старой крови, смешанный с чем-то сладковатым и гнилостным, от которого хотелось закрыть нос и бежать, но бежать было некуда.

— Я здесь, — сказал я в пустоту. Голос прозвучал чужим, хриплым, будто принадлежал кому-то другому, кто давно не говорил.

Из-за угла дома, стоявшего ближе всех к дороге, вышла она.

Я остановился. Сердце, которое ещё минуту назад колотилось от предвкушения, замерло. А потом начало биться быстрее, но уже не от радости, а от того первобытного ужаса, который испытывает мышь, увидевшая змею.

Это была не Агата. Это не было то, что я видел на фотографиях. Женщина была высокой, но сутулой, будто её позвоночник был сделан из гнилых прутьев. Кожа на её лице была сморщенной, как старый пергамент, натянутый на раму. Волосы — редкие, серые пряди — падали на глаза, которые были не глазами, а двумя тёмными ямами, в которых не было ни зрачков, ни радужки. Только пустота. И улыбка. Широкая, неестественная улыбка, в которой было слишком много зубов. Они были жёлтыми, острыми и слегка кривыми, словно выросли не в человеческом рту, а в каком-то другом, чуждом мире.

— Ты опоздал, — сказала она. Её голос не шёл из горла. Он шёл откуда-то изнутри, из глубины, из того места, где у людей обычно находится совесть. Звучал он как трение сухих веток, скрежет камня о камень, шёпот земли, которая хочет поглотить всё живое.

Я хотел развернуться. Хотел бежать. Но ноги не слушались. Ноги были влиты в землю. В пепел. В страх. Каждая мышца будто окаменела, а кости стали слишком тяжёлыми, чтобы двигаться.

— Ты... ты не... — я попытался произнести её имя, но язык заплетался, слова рассыпались, не успевая сложиться во фразы.

Она подошла ближе. Каждый её шаг был медленным, намеренным, рассчитанным до миллиметра. Она пахла сыростью и чем-то сладковатым, гниlostным, как забродившие фрукты, которые никто не решился выбросить.

— Ты искал меня, — сказала она, и в её голосе появилась нота удивления, как у ребёнка, которому подарили сломанную игрушку. — Ты хотел меня. Ты собирал слова, как собираешь монеты. Ты тратил своё время, свою надежду, свой страх одиночества. А теперь... теперь ты мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.